

Е.А. ШИНАКОВ

ОТ ЧЕРНИГОВА ДО СМОЛЕНСКА

Военная история
юго-западного русского порубежья
с древнейших времен до XVII в.

Новейшие исследования по истории России

Евгений Шинаков

**От Чернигова до Смоленска.
Военная история юго-
западного русского порубежья
с древнейших времен до XVII в.**

«Центрполиграф»

2018

УДК 947(471.333)(075)

ББК 63.3(2Р-4Бр)

Шинаков Е. А.

От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. /

Е. А. Шинаков — «Центрполиграф», 2018 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-08031-8

В работе профессора Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, доктора исторических наук Е. А. Шинакова на основе анализа широкого круга археологических и письменных источников рассматривается история вооружения и воинской культуры одного из самых «беспокойных» регионов России, всегда находившегося в пограничье различных этнокультурных и государственных ареалов и даже сейчас остающегося на стыке сразу трех стран. Российскую часть этого большого исторического региона сейчас занимает Брянская и частично – Смоленская и Калужская области, украинскую – Черниговская и Сумская, белорусскую – Гомельская и Могилевская области. Своеобразной осью этого региона от Смоленщины до Черниговщины является река Десна с ее притоками, поэтому его называют «Подесенье». Хронологические рамки работы – от древности, момента зарождения оружия и военных конфликтов, до конца XVII в., когда Подесенье фактически перестало быть беспокойным военным пограничьем. Издание предназначено не только для специалистов и студентов, но и широкого круга читателей, интересующихся военной историей Отечества и отдельных регионов.

УДК 947(471.333)(075)

ББК 63.3(2Р-4Бр)

ISBN 978-5-227-08031-8

© Шинаков Е. А., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Введение	7
Часть I	10
Глава I	10
1. Топоры против стрел: свидетельствует археология	10
2. За стенами городищ	14
3. На «обочине» Великого переселения народов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Александрович Шинаков
От Чернигова до Смоленска
Военная история юго-западного русского
порубежья с древнейших времен до XVII в.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Шинаков А. Е., 2018

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Введение

Война... в этом слове для большинства людей сосредоточен исключительно отрицательный смысл. В то же время не пустыми словами являются и такие понятия, как воинская доблесть и честь, военная культура и искусство, гениальность полководца, вошедшая в поговорку солдатская смекалка, справедливая и освободительная война, боевое братство. Это и блестящая атака кавалергардов, и воодушевляющие, будоражающие душу, победные парады, яркие мундиры и награды. В общем, если не война, то военная история, ее антураж, атрибуты имеют несомненную привлекательность для десятков тысяч людей по всей Европе – иначе никак не объяснишь столь массовый характер движения исторических реконструкторов.

Есть те, кто говорит о естественности, имманентности («присущности») войн человеческому обществу. Они даже находят в них положительные, «полезные» свойства. С точки зрения психологии «больших масс» войны дают выход естественной агрессивности некоторой части людей, которая в противном случае обратилась бы внутрь общества. Война содействует научно-техническому прогрессу. Есть политологические теории, в соответствии с которыми именно войны, как частный случай насилия или сопротивления насилию, борьбы между группами людей, разными социумами, являются одной из главных причин социально-политического прогресса, приводящего в итоге к возникновению цивилизации и образованию государств. Без войн нечем было бы заняться и нечем оправдать существование таких слоев населения, как рыцарство и дворянство, для которых война – «стезя чести и славы», а сами они (в идеале, конечно) – образец поведения, морали для остальных, «подлого состояния», людей. Сами же феодалы, да и многие другие авантюристы-наемники боготворили войну, так как только благодаря ей могли приобрести богатство и положение в обществе (а не как другие – эксплуатацией труда мастеровых, торговлей или ростовщичеством, хорошо подвешенным языком, а не шпагой, а то и вообще спекуляцией, мошенничеством или казнокрадством). Вспомним хотя бы поднявшихся из низов маршалов Наполеона.

Однако все эти теории создают либо профессиональные военные, либо ученые-политологи и политико-антропологи, явно не «призывного» возраста и в войнах не участвовавшие, либо политики, стремящиеся к власти над своим и чужими народами и использующие идеи некоторых «психологов толпы» и философов, таких, как автор психоанализа З. Фрейд и философов типа Ф. Ницше. Для них, как сказал О. Бисмарк, война есть просто «продолжение политики иными средствами». Впрочем, представления о необходимости периодической «встряски» и обновления сил людей, особенно при переходе в иной «возрастной» класс, либо при вступлении в брак, есть и у некоторых «варварских» (по уровню социального развития) народов – папуасов, маори, кельтов, ацтеков, зулусов и др.

В то же время большинство людей считают, что любая война несет в первую очередь смерть и разорение. Что касается научно-технического прогресса, то, во-первых, он есть далеко не во всех областях жизни людей, война несет и регресс, разрушение производительных сил, а во-вторых, были периоды прогрессивных сдвигов в науке и технике, с войной первоначально никак не связанные – промышленные и научно-технические революции в Европе в конце XVIII и в конце XIX – начале XX века, да и в настоящий период. Что касается естественного отбора, то в войнах как раз в первую очередь гибнут самые честные, бесстрашные, да и просто – молодые люди, еще не давшие потомства, а хитрые, изворотливые, да и просто сильные и слабые выживают и дают потомство. Кроме того, в них вынуждена принимать участие не только заинтересованная в них военная элита, но и абсолютно невоинственные и выгод от войны не имеющие, рядовые солдаты, а то и просто мирные люди, женщины и дети – будущее нации. С психологической точки зрения война, как и любое убийство себе подобных, противна естественной человеческой природе и является абсолютной глупостью. В аспекте культуры и

идеологии – война, конечно, добавляет сюжетов и для той, и для другой, создаются целые эпосы и эпопеи (хотя бы Махабхарата и Илиада, русский былинный и осетинский нартский эпос, киргизский эпос «Манас», армянский «Давид Сасунский», германский «Песнь о нибелунгах»), на примерах успешных войн воспитывается патриотизм, но в ходе тех же войн безвозвратно уничтожаются культурные ценности, рождается труднопреодолимая вражда между народами (хотя, наоборот, бывшие противники, если войны велись относительно «благородно», испытывают уважение и интерес друг к другу). С точки зрения навязывания идеологии насильно это может иметь место (исламизация завоеванных арабами и турками народов или христианизация завоеванных немцами народов Прибалтики), но это результат скорее не самой войны, а следующих за ней весьма длительных процессов.

Не всегда победа достается более культурным народам и странам, нередко ее достигают более отсталые в культурном плане, но более воинственные, беспощадные к врагу и «зацикленные» на одной цели, все ей подчинившие и организованные общности. Так, кочевники часто завоевывали гораздо более «цивилизованные» государства Китая, Передней и Южной Азии, Юго-Восточной Европы, что тормозило развитие последних. В этой же связи – далеко не всегда побеждают более храбрые, умные, а уж тем более – честные. Часто победа достается более хитрым, беспринципным, жестоким. Другое дело, что затем завоеватели попадают под воздействие культуры и даже языка завоеванных, но это случается далеко не всегда, бывает и наоборот.

Россия – геополитическое по масштабам пограничье Запада и Востока – совокупность не только народов, часто разных по своему происхождению, языковой принадлежности и этнокультурному облику, но и весьма непохожих друг на друга регионов. Есть регионы полиэтничные, хотя и находящиеся в глубинах России – Среднее Поволжье, Урал, например. А есть такие, которые в настоящее время обладают относительным этническим единообразием, но при этом имеют большие традиционные исторические и культурные связи с пограничными регионами соседних государств, с которыми некогда составляли единое целое ряда археологических культур, Древней Руси, некоторых русских княжеств, Великого княжества Литовского и Русского, Речи Посполитой, Российского централизованного государства. В связи с этим история, особенно военная, этих регионов, как в зеркале, отражает историю не только России и сопредельных с этими регионами государств, но и достаточно отдаленных от них стран – Польши, Болгарии, Чехии, Литвы. Недаром в начале XXI века (в 2003 году) в рамках евроинтеграции был создан трансграничный еврорегион «Днепр» в составе вначале Черниговской, Брянской и Гомельской областей, к которым вскоре присоединились Сумская, Могилевская, Курская, Калужская и Орловская области. Такой выбор не случаен, а исторически обусловлен общими судьбами в предыдущие столетия и даже тысячелетия. Географическим стержнем этих территорий является река Десна с ее притоками, протянувшаяся с севера на юг почти от верховий Днепра и Смоленска (Ельня) до Чернигова, где Десна вновь сближается с Днестром и сливается с ним под Киевом, на востоке ее притоки вплотную подходят к Поочью и степям за Курском в верховьях ее главного притока – Сейма, на западе – к Радимичско-Белорусскому Посожью. Это вечное пограничье, в котором менялся только его характер (через него проходили рубежи этнические, военно-политические, даже геополитические, но никогда – цивилизационно-культурные).

При этом всегда сохранялись внутрорегиональные, «межграничные» связи и контакты. Сейчас этот процесс несколько нарушен, но, с учетом исторической ретроспективы, вряд ли надолго. В настоящее время ядром данного межграничного региона является Брянская область – единственный регион России, порубежный одновременно и с Беларусью, и с Украиной. Она не только в настоящее время находится на перекрестке народов и государств. Само ее физико-географическое расположение вдоль главного ландшафтного рубежа Русской равнины – границы леса и лесостепи – предопределило еще с бронзового века (примерно четыре с полови-

ной тысячи лет назад) противостояние скотоводов Юга и земледельцев Севера. Не раз орды кочевников разных племен и народов поднимались вдоль долин Десны и Судости, круша и сжигая расположенные по их берегам поселения. Этим же путем пришли в первом тысячелетии нашей эры и славянские переселенцы, отношения которых с местным населением также далеко не всегда были мирными. В эпоху Киевской Руси (IX–XIII века) Брянщина сначала явилась пограничьем четырех восточнославянских племенных союзов с Древнерусским государством, процесс включения которых в его состав проходил длительно и сложно, был чреват военными конфликтами. Затем Среднее Подесенье явилось ареной борьбы и перекройки границ трех: Черниговского, Смоленского и Новгород-Северского великих и ряда более мелких удельных княжеств. Татаро-монгольское нашествие лишь вскользь затронуло территорию современной Брянской области, но зато позднее, вплоть до Северной войны 1700–1721 годов, Брянщина почти непрерывно была театром военных действий для ряда соперничавших государств Восточной и Северной Европы: Брянское, Смоленское, Рязанское и Московское великие княжества, Великое княжество Литовское, позднее – Речь Посполитая и Русское централизованное государство, Россия и Швеция. Добавим сюда набеги крымских ханов, непростые отношения с украинским гетманством, ряд гражданских войн и восстаний, сотрясавших и Литву, и объединенное Польско-Литовское государство, и Россию, вплоть до 1919 года (поход Добровольческой армии на Москву). Отдельная страница – Великая Отечественная война, когда военные действия четырежды (имеются в виду события середины августа – начала сентября и начала октября 1941 года, затем марта и середины августа-сентября 1943 года) прокатывались по Брянщине, а в промежутках шли бои между оккупантами, партизанами и полицейскими формированиями коллаборационистов. Даже в относительно спокойный для нее период с 1709 по 1918 год, как, впрочем, и раньше и позже его, жители современной Брянской области принимали участие в ряде исторических сражений и войн, не затрагивавших непосредственно ее территорию. Война стала многотысячелетним фактором политического, экономического и социального развития этой извечно пограничной земли – Брянского края.

В этой книге вы найдете подробную историю войн и наиболее знаменитых сражений, прогремевших на территории современного российско-украино-белорусского пограничья с древнейших времен до конца XVII столетия, описание и реконструкцию вооружения, оборонительных сооружений, тактики и способов комплектования, противоборствовавших в них войск, а также участия в крупнейших сражениях и средневековых войнах Восточной и Центральной Европы воинских формирований, укомплектованных и сформированных на брянских и в целом на придеснинских землях.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке книги к изданию А. А. Чубуру, Ю. М. Павлову, И. В. Мельникову, О. А. Головачевой, Н. Г. Рябчевскому, А. А. Басову.

Часть I

Предыстория и военная история Подесенья в период Древней Руси

Глава I

От первобытности – к славянам

1. Топоры против стрел: свидетельствует археология

В воздухе просвистели вылетевшие из густого ельника короткие деревянные стрелы с маленькими кремневыми и костяными наконечниками. Несколько рослых светловолосых воинов в мгновение ока были сражены ими. Нападение произошло неожиданно – из засады. Невзрачные на вид наконечники оставили на их теле малозаметные отверстия. Наконечники имели с обратной стороны два острых шипа, которые затрудняли их извлечение из небольшой ранки и превращали ее в долго не заживающую и гноящуюся рваную язву. Такие наконечники обнаружены на стоянках эпохи неолита на Судости (Борки, Курово) и Десне (Сагутьево) в юго-восточной части Брянской области. Некоторые из таких наконечников, особенно в боевых условиях, а не для охоты, обмакивались в трупный яд. Это приводило к тому, что и раненый воин вскоре умирал. И все же, предохраняя себя от смертельной опасности, большая часть воинов, вслед за которыми двигались повозки со скарбом и домочадцами, успевала заслониться деревянными или плетеными, сделанными из ивняка и обтянутыми бычьими шкурами щитами. Кое у кого были и привезенные из далекой Британии целиком бронзовые щиты.

Военный вождь, издав гортанный крик и указав булавой с дорогим нефритовым наконечником на лесные заросли, призвал к действию. Озверевшие от неожиданного нападения и потери своих соплеменников воины, головы которых украшали скальпы туров с рогами, а на шеях бряцали ожерелья из клыков кабана, выхватив из-за щитов и поясов копья и топоры с медными, а большей частью каменными сверлеными лезвиями, бросились, невзирая на повторный залп, на невидимого врага. В ближнем бою их боевые топоры доказали свое полное превосходство над кремневым и костяным оружием противника, большая часть которого не ушла от возмездия – была перебита, а остальная обращена в бегство.

Подобного рода топоры изготавливались с помощью шлифовки мягких пород камня сырым песком, а сверлились полыми круглыми костями с песком в качестве абразива. Подобными топорами были вооружены пришельцы из Центральной Европы, знавшие уже и медную металлургию, но вынужденные из-за нехватки сырья на равнинах Украины вернуться к прадедовскому материалу.

Их путь был долгим, но в конце третьего тысячелетия до нашей эры эти скотоводческие племена с юга, вдоль долин Десны и Судости, вторглись в ополья и полесья современной Брянской области, «открыв» тем самым первую страницу ее военной истории; и оставив на ее территории материальные следы своего военного присутствия – сверленные боевые топоры. Особенно много их обнаружено на лесистом юго-востоке области, в Суземском и Севском районах. Здесь же при раскопках автора в 1988 году на поселении Уль-1 было исследовано и захоронение воина среднеднепровской культуры рубежа третьего-второго тысячелетий до нашей эры.

Начинать военную историю Брянщины (Среднего Подесенья) вряд ли целесообразно с более раннего периода. В палеолите (древнекаменный век), в котором 60 тысяч лет назад нача-

лось заселение этих территорий человеком, население было слишком редким – два-три, а ранее – и один-два поселка или родовых коллектива. Мамонтов и других крупных животных хватало на всех, а потребностей в роскоши тогда у человека еще не выработалось, да и брать было нечего (рис. 1).

Многие исследователи считают пришельцев одной из ветвей индоевропейских племен – предшественниками современных славян, балтов и германцев, частично уничтоживших, частично «раздвинувших» местное охотничье-рыболовческое население (предков современных финно-угорских народов, к которым относятся финны, карелы, эстонцы, коми, мордва, мари, венгры, ханты, манси), не знавшее ни металла, ни крепостей. Роль последних, впрочем, могли играть свайные поселения, которые строились в основном для защиты от хищных животных, но могли на первых порах защищать и от хищников «людской породы».

Пришельцы же, имевшие безусловное военное и культурное превосходство над аборигенами и не имевшие пока внутренних противоречий, в крепостях не нуждались. Позднее, в эпоху сосницкой археологической культуры, стал расширяться ассортимент предметов вооружения, изготовленных из сплавов на медной основе – бронзы, в основном кавказского происхождения. Это наконечники стрел, ножи, острия копий, кинжал с прорезной рукоятью, выявленные при раскопках стоянок Кветунь и Юдиново. Особенно интересен бронзовый наконечник копья лавролистной формы с рельефным орнаментом и петелькой для привязывания к древку, найденный на крайнем западе региона, на реке Ипать и принадлежащий приуральской по происхождению сейминско-турбинской культуре (рис. 2). Наконечник относится к редкому типу, которых даже на родине турбинцев пока найдено всего семь. Этот – восьмой, и он свидетельствует либо о зарождении дальних торговых связей, либо о дальних военных походах из Приуралья в Подесенье. Кто был его создателем – до сих пор вопрос дискуссионный: называют и финно-угров, и индоиранцев, и индоариев, и тюрок.

За последние годы пополнилась и коллекция таких специфических предметов вооружения, как бронзовые обоюдоострые кинжалы. К «парадному» экземпляру из Кветуни с прорезной рукоятью (Трубчевский музей) добавилось еще пять находок «повседневных» экземпляров с простыми черешковыми рукоятками, происходящих с востока Брянской области – от Брянска и Карачева на севере до Комаричей и Севска на юге. Все они относятся к финальному этапу эпохи бронзы – второму тысячелетию до нашей эры (сосницкая культура при влиянии более южной – бондарихинской) и могут датироваться концом первого тысячелетия до нашей эры, как, например, бронзовый кинжал с поселения Курово-6 под Погаром (раскопки автора, В. Н. Гурьянова, В. В. Миненко, А. А. Чубура). Он имеет аналогии также в кочевнических катакомбной и срубной культурах степей Украины и России, связанных с историческими киммерийцами.

Что же можно сказать о целях и характере войн, ведшихся в эту эпоху, а также вооружении, составе войск и тактике противоборствующих сторон? Судя по археологическим раскопкам, целью войн не был грабеж и захват поселений. Ведь «оккупанты» явно обладали большими богатствами (скот, медь, например), чем местные жители, тем более на захваченных ими поселениях присутствуют их могильники, то есть захоронения либо убитых в сражениях, либо умерших своей смертью людей.

Новому населению культур «боевых топоров» необходимы были свободные от местного населения (рыболовов и охотников) земли, которые можно было бы использовать под пастбища для крупного рогатого скота и свиней. Условия Подесенья с его обширными пойменными лугами и дубравами ополей были для этого как нельзя более подходящими. В соседних районах хвойных полесий уцелело, вероятно, старое «неолитическое» население и способ хозяйства.

Военные столкновения были не межродовыми и даже не межплеменными, а скорее «международными», ибо происходили между группами (а возможно, и союзами) разноязычных племен друг против друга.

Для одной из этих групп – скотоводов, пришедших со степного юга, с Украины, – они имели явно захватнический характер, для других – лесных рыболовов и охотников – оборонительный; завоеватели принесли более высокий уровень хозяйства и культуры (хозяйственно-культурный тип по этнографической терминологии).

Об основных видах наступательного вооружения как аборигенов, так и пришельцев свидетельствуют археологические материалы: у первых преобладало метательное оружие универсального назначения (оно могло использоваться как для охоты, так и для боя) – лук и стрелы, а также небольшие метательные копья – дротики, у последних – специализированное оружие ближнего боя – боевые топоры с каменными и бронзовыми лезвиями, и несколько позднее – копья с широкими наконечниками, кинжалы и булавы (у вождей).

На первый взгляд, степень вооруженности бронзовиков намного превосходила неолитчиков. Нельзя, однако, преуменьшать пробойную силу простого кремневого наконечника. Например, в XVI веке пленный индеец из Флориды на расстоянии 150 шагов (правда, в обмен на жизнь и свободу) пробил тростниковой стрелой с кремневым наконечником стальную испанскую кольчугу. У неолитчиков, правда, был еще простой, из одного куска дерева лук, обладавший меньшей «убойной силой». Кроме того, пришельцы, судя по инвентарю их захоронений, почти не располагали оружием дальнего боя, а ближайшие родственники местных племен ямочно-гребенчатой керамики (названы по орнаменту на глиняной посуде, ибо имя их кануло в Лету), жившие на берегах Онежского озера, знали даже бумеранг. Могли использовать его и древние жители Подесенья.

Превосходство (а оно было, ведь победили бронзовики), вероятно, следует искать в ином – в воинской организации. Мирные рыболовы и охотники не имели не только специализированного боевого, а также охотничьего оружия, но и воинов-«профессионалов», организованных в дружины во главе с военным вождем. Племена шнуровой керамики (так еще называют племена боевых топоров), планируя завоевательные походы, да и просто переселение в неизвестные территории, ее, безусловно, имели. Воины-профессионалы (или хотя бы «совместители» – скотоводы, ставшие воинами на период переселения), безусловно, заботились о сохранности своего здоровья и жизни, то есть имели защитное вооружение. То, что в захоронениях воинов нет бронзовых шлемов, панцирей, щитов, не говорит об отсутствии доспехов вообще. История свидетельствует, что наиболее ранние доспехи изготавливались из кожи, были также и веревочные (у египтян), и деревянные, и полотняные, пропитанные солью (у критян). Кожа же в земле сохраняется очень редко (только при «консервации» ее окисями меди или в очень влажной почве). Кстати, современные эксперименты доказывают, что и кожаные доспехи, оказывается, прочнее бронзовых! Вот что пишут авторы книги об археологических экспериментах «Прыжок в прошлое»: «Джон Коулз испытал прочность копий круглых кожаных и бронзовых щитов. На металлическом щите толщиной 3 мм он в центре сделал выпуклость, а также укрепил щит гибкими ребрами, в результате чего прочность его соответствовала оригиналу. В загнутый обод одного из щитов для прочности он вложил еще и проволоку. Дротик с бронзовым наконечником пробил этот щит насквозь, а меч эпохи бронзы с первого же удара рассек его пополам. Только проволока в ободу не дала щиту развалиться на части. Таким же испытаниям ученый подверг и кожаный щит. Дротик с трудом его пробил. А после пятнадцати сильных ударов мечом на внешней стороне кожаного щита появились только легкие порезы. Результаты эксперимента показали, что кожаные щиты с успехом могли использоваться для защиты. Бронзовые же щиты, по всей вероятности, служили для каких-то культовых целей, так как полагаться на них в бою было слишком рискованно. Это же относится и к бронзовым доспехам той отдаленной эпохи». Недаром такие лучшие в мире воины, к тому же располагавшие неограниченной

металлургической базой, как римляне, имели или кожаные, или железные доспехи! Что же говорить о скотоводах, заброшенных в далекий лесной край и вынужденных получать драгоценную бронзу за тридевять земель, с Кавказа!

Для устрашения противника завоеватели могли носить на голове вместо шлемов скальпы быков и кабанов – вероятно, их возможных тотемов.

Что касается тактики, то у местных жителей (кроме нападения из засады) она отсутствовала вовсе, о способах боя пришельцев сказать сложно. Конечно, уже в третьем тысячелетии до нашей эры такой народ, как шумеры, знали строй сомкнутой фаланги тяжелооруженной пехоты и четырехколесные боевые колесницы, запряженные ослами, но это – высокоразвитые восточные города-государства, колыбель мировой цивилизации. Для наших же бронзовиков можно предположить такой способ ведения боя, как нападение не очень организованными и, в общем, руководимыми толпами. Ни конницы, ни колесниц они не знали, ибо не знали ни лошадей, ни ослов, ни тем более верблюдов или слонов, которых могли бы использовать как верховых или упряжных животных.

На Брянщине ни месторождений меди, ни олова нет. Поэтому, хотя среднеднепровские племена и относятся уже к бронзовому веку, однако у них еще преобладают каменные орудия, правда, обработанные новыми методами (сверление, шлифовка, полировка). Хотя к концу второго тысячелетия до нашей эры появляются и крупные бронзовые изделия – наконечники стрел и копий, ножи, кинжалы, в том числе со сложной в производстве прорезной рукоятью, но они составляют все же ничтожный процент по сравнению с каменными орудиями и встречаются в несколько более поздний период (рис. 3). В эпоху бронзы на Брянщине появляются первые захоронения – труположения в скорченном виде, на боку, посыпанные символом огня, жизненной энергии, солнца – красной краской минерального происхождения – охрой. В конце эпохи бронзы (в сосницкой культуре) культ огня проявился еще более явно – от труположения перешли к трупосожжению – кремации покойных. Подобные культы характерны для первых индоевропейцев. И действительно, новые насельники Брянщины (судя по захоронению на поселении Уль-1 и по сохранившимся под первыми курганами скелетам) имели чисто европеоидный облик, без всякой примеси монголоидности, как в предыдущую эпоху неолита.

К юго-востоку от сосницкой культуры в эпоху поздней бронзы распространяются также племена марьяновско-бондарихинской культуры, расселившиеся в курском и украинском Посеймье, лесостепном днепровском левобережье и верховьях Северского Донца. Под ударом воинственных скифов, точнее, скифского племени гелонов, часть бондарихинцев ушла на север, в том числе и в брянское Подесенье, смешавшись с племенами сосницкой культуры и породив, таким образом, новый народ, живший уже в железном веке. Часть же бондарихинцев осталась к югу от Сейма и была ассимилирована гелонами. С этого момента мы можем говорить не только об археологической культуре, но и о названиях (этнонимах) создавших их народов.

С востока, навстречу распространявшимся с запада индоевропейским племенам боевых топоров, но несколько позднее (в середине – второй половине второго тысячелетия до нашей эры) продвигаются из бассейнов Дона и Оки носители сначала абашевской, затем поздняяковской культуры, потесненные на запад другими народами (кстати, возможно, и теми же турбинцами). Движение проходило вверх по течению левых притоков Десны – Навли и Неруссы. Население поздняяковской культуры являлось самым юго-западным «языком» финно-угорского мира, а территория Брянщины и сопр – воинственных индоевропейцев (среднеднепровская, затем сосницкая культуры) и более мирных лесовиков – финнов (поздняяковская, возможно, более поздняя бондарихинская культуры). Первые явились предками балтов и славян, вторые частично растворились в веках без следа, частично послужили основой формирования западной ветви марийского народа Поволжья. В состав воинов этих племен входили уже и колесничие.

Предметы вооружения этих культур эпохи бронзы гораздо более разнообразны: встречаются кинжалы различных форм, лавролистные втульчатые наконечники копий, а в поздняяковской и ее преемнице бондарихинской культуре – особый вид боевого топора – кельта, с проушным отверстием с торца обуха, надевавшийся на коленчатую, в виде буквы «Г» рукоять. Впрочем, наконечники наиболее массового вида вооружения – стрел и дротиков – все еще изготавливаются из кремня.

2. За стенами городищ

К середине первого тысячелетия до нашей эры на Брянщине и сопредельных территориях лесной зоны наступает железный век. Греческий поэт Гесиод (рубеж VIII–VII веков до нашей эры) характеризует его как эпоху чрезвычайной жестокости нравов, коварства, чуть ли не преддверие конца света.

На Брянщине, однако, судя по данным археологии, наступает сравнительно мирная эпоха стабильного развития одних и тех же народов и культур, без крупных их перемещений.

К середине первого тысячелетия до нашей эры (в VIII–VI веках) в среднем течении Десны сложилась юхновская археологическая культура, получившая название от села Юхново под Новгородом-Северским. Северо-запад Брянской области (верховья Десны и Ипути) к этому времени занимают близкородственные юхновцам днепро-двинские (или верхнеднепровские) племена, а юго-запад (бассейн реки Снов и низовья Ипути) – милоградские. Впервые территория области оказалась разделенной на три части тремя племенными группировками, главные центры которых находились за ее пределами. В дальнейшем эта ситуация будет повторяться довольно часто, а пережитки ее сохраняются до сих пор в этнографическом и диалектном делении территории Брянской области.

В настоящее время с достаточной долей вероятности определены имена носителей всех этих культур: милоградцы – невры, юхновцы – будины, днепро-двинцы – андрофаги («людоеды», точнее, «мужееды»). В неврах некоторые исследователи (Б. А. Рыбаков) видят одних из предков славян, потесненных в середине VI века до нашей эры змеепоклонниками – балтами («змеями», по сообщению Геродота). Этот историк дает следующее описание внешности и быта данных народов: «Будины – народ многолюдный; у них всех светло-голубые глаза и светлые (рыжие) волосы. Будины – коренные жители этой страны, они ведут кочевой образ жизни», хотя «земля их покрыта густым лесом разных пород. В обширнейшем из лесов находится большое озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдр, бобров и других животных с четырехугольной мордой». Как видим, описание Геродота как нельзя более подходит к юхновской культуре и лесной Брянщине. «Кочевой» же образ жизни в «густых лесах» может означать не что иное, как занятие подсечно-огневым земледелием, требующим частой смены возделываемых участков и мест обитания. В этой связи вызывает известное сомнение сообщение этого, в общем-то, объективного и сведущего историка о том, что основным продуктом питания будинов (то есть возможных древних предков брянцев) явились «сосновые шишки». «У невров обычаи скифские... Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр однажды в год на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик».

«Из всех народов андрофаги имеют самые дикие нравы; нет у них ни суда, ни законов; андрофаги – кочевники. Одежду носит подобную скифской, но язык у них особый. Это единственное племя людоедов в той стране». Судя по данным топонимики (наука о названиях мест), эти три культуры и три народа принадлежали к прабалтам – индоевропейским народам, близким к современным литовцам и латышам, и, возможно, являлись предками жившей на территории Руси, в том числе и брянской ее части, и известной по летописям голяди. Так, на поверку оказываются балтскими по происхождению на первый взгляд так «по-славянски» зву-

чащие названия, как Дорунь (Добрынь), Радутино, Столбянка, Немолодва, Десна, а некоторые имена рек – Болва, Надва – восходят, вероятно, еще к более глубокой (финно-угорской) древности. Происхождение же названия голядь, которое предположительно связывается с уже упомянутыми гелонами Геродота, некоторые исследователи (например, О. С. Стрижак) предлагают искать не в балтских, а в кельтских языках, возводя его к кельтскому племени галатам, жившим в Центральной и Восточной Европе и Малой Азии, или даже к французским галлам, или связывают их с гэлами (каледонцами, или шотландцами). Однако столь дальние сопоставления вряд ли будут являться научно обоснованными, ибо предметов кельтского происхождения на Брянщине не обнаружено. Впрочем, название «невры» с кельтского может переводиться как «мужественные», «отважные»; «будины» – «победоносные», а само размещение этих народов в Подесенье является хоть и возможным, но отнюдь не единственно возможным.

Военные действия, зафиксированные письменными источниками (Геродотом в первую очередь), относятся только к началу раннего железного века, точнее – к 512 году до нашей эры. Будины (точнее, их южная часть – будино-гелоны) подверглись нападению персов, так как выставили воинов в поддержку скифов, а их соседи невры и андрофаги – карательному набегу степных кочевников за отказ помочь им в критическую минуту в борьбе против персов Дария I. Будины и гелоны входили в состав третьего скифского войска (царя Таксакиса), целью которого было не допустить вторжения персов на север.

«Когда скифы перешли реку Танаис, в погоню за ними последовали немедленно и персы, пока наконец не прошли землю савроматов и не достигли владений будинов». «...Вторгшись в землю будинов, персы напали на деревянное укрепление, которое было покинуто будинами, и сожгли его». После отступления персов скифы, решив наказать отказавшие им в помощи лесные племена, «двинулись во владения андрофагов; разоривши и этот народ, они отступили к Невриде. По разорении этой страны скифы бежали к агафирсам». Есть, впрочем, данные, что вторжение скифов и невров носило превентивный характер и относится к 515 году до н. э. Под воздействием возросшей опасности с юга (персы, затем скифы) андрофаги «не взяли за оружие... а, объятые страхом, бежали все дальше к северу в пустыню». Таким образом, кроме прямых вторжений, к видам военных действий VI века до н. э., точнее их последствиям, относятся массовые переселения народов – миграции. Так, «за одно поколение до похода Дария им (неврам) пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше их напало из пустыни внутри страны. Потому-то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов». Примерно в это же время, но уже с юга, а не с запада в землю будинов вторглись гелоны, построившие в их земле свой город. Характер переселения (мирный, военный) письменные источники не освещают, однако, по данным археологии, отношения пришельцев с местным населением (по крайней мере, милоградцев-невров с юхновцами-будинами) далеко не всегда были мирными. Крупнейшие исследователи этих культур О. Н. Мельниковская и Б. А. Рыбаков так доказывают это положение: «Вновь создающиеся на востоке (в соседстве с будинами или уже на будинской земле) милоградские поселки возникают сразу как укрепленные поселения. Количество городищ очень велико, под городище занимался буквально каждый удобный мыс» (Б. А. Рыбаков). Недаром так различались позиции невров и будинов по отношению к персидско-скифскому конфликту.

Что касается различных видов военного дела милоградцев, юхновцев, днепро-двинцев, то как раз о фортификации мы можем судить наиболее полно.

Все три культуры (милоградская, юхновская и днепро-двинская) представлены маленькими укрепленными поселениями диаметром в несколько десятков метров и с населением не больше сотни человек. В этих поселках жили отдельные роды или большие патриархальные семьи. В археологии эти укрепленные поселения называют «городищами», а местные жители величают их «городцами», «городками», «кудеярками» (по имени легендарного разбойника

Кудеяра, который хранил якобы на таких городищах свои сокровища), «тарелочками». Для безопасности от различных набегов и нападений врагов они строились на высоком обрывистом мысу либо у реки, либо в окружении лесов и болот, то есть в недоступных для внезапного вторжения местах. Городища обязательно укреплялись с напольной стороны валами и рвами, расположенными иногда (особенно у днепро-двинцев) в два-три ряда. Часто строители усиливали естественную крутизну склонов эскарпами, а по краю площадки ставили частокол или бревенчатые стены. У милоградцев же городища часто имеют правильную геометрическую форму, расположены на ровной местности и имеют несколько укрепленных площадок, причем внешние часто не имели следов жилого использования и могли использоваться, например, в качестве загонов для скота.

Иногда применялись еще более оригинальные конструкции – длинные жилые дома столбовой конструкции по всему внешнему периметру площадки (рис. 4). От столбов этих домов до сих пор сохраняются круглые в сечении «трубы» диаметром свыше 20 сантиметров, а глубиной зачастую свыше двух метров, исследованные при археологических раскопках на городищах у сел Случевск и Синино Погарского района. Столбы располагались в три ряда, на центральный ряд, вероятно, опирался конек двускатной крыши. Ширина подобных «жилых стен» в Случевске достигала пяти метров, а в высоту они, возможно, равнялись двухэтажному дому и имели также два яруса – жилой и боевой. С напольной стороны, однако, и после строительства нового типа укреплений по периметру сохранялись старые, «испытанные» рвы и валы, только где-то в IV веке до нашей эры их глубина и, соответственно, высота (земля для вала бралась изо рва) увеличивается. Со стороны рва находился въезд на площадку городища и располагались ворота в валу (рис. 4).

Подобная планировка укрепленных поселений была очень удобной при отсутствии постоянного войска в небольшом родовом коллективе – глава каждой небольшой, «парной» семьи нес, вероятно, ответственность за «собственный» участок жилой стены, который он и должен был защищать в случае внезапного нападения, поднявшись на нее непосредственно из своей «квартиры». Кроме того, подобное устройство было выгодно и с точки зрения хозяйства, основу которого составляло стойлово-пастбищное скотоводство: незастроенный центр поселения представлял собой загон для скота.

От кого же готовились защищаться мирные землепашцы и скотоводы? Первоначально, когда внешней опасности фактически не было, опасаться следовало ближайших соседей и соплеменников. Все поселения являются небольшими крепостями с одинаковой по мощности системой укреплений. Данный факт свидетельствует в пользу отсутствия развитой племенной организации и постоянного войска – «дружины», которое могло составлять «гарнизоны» крепостей на племенных границах, что позволяло остальному населению во внутренних районах племенного расселения не сооружать укреплений на поселениях. Не было тогда и достаточно сильной и авторитетной власти, стоявшей над отдельными родами и могущей пресекать межродовые столкновения. Именно последние и были единственным видом военных действий вплоть до рубежа нашей эры.

Хорошей иллюстрацией для этой эпохи могла бы стать картина Н. Рериха «Встал род на род». Причиной же столкновений мог быть или неурожай, или падеж скота, но могли быть и не только такие меркантильные цели, как захват чужих «богатств», а также, например, месть за поправленные честь и жизнь сородича, случайная ссора, убийство или игра личных амбиций.

Более мощные укрепления на некоторых городищах поздней юхновской культуры не под силу было сооружать отдельному роду или патриархальной семье, да и к чему им это было? Неужели для защиты от такого же рода? Вероятно, что к этому времени появляется какая-то общая опасность, которая сплавивала роды и заставляла объединять их усилия для строительства более мощных укреплений в тех поселениях, которые находились на возможных путях подхода врагов. Случевское городище, во всяком случае, явно этому соответствует: оно рас-

полагается на высоком правом берегу Судости, буквально в нескольких километрах от ее впадения в Десну. Учитывая, что наиболее удобным, а зачастую и единственным путем степных кочевников была действительно ровная, как скатерть, гладкая лента замерзших зимних рек, миновать Случевское городище пришельцы с юга просто не могли: недаром оно минимум дважды подвергалось нападению врагов.

Реже, там, где не было естественных укреплений, а место было стратегически важным, строились кольцевые валы и рвы в несколько рядов, концы которых примыкали к береговому обрыву или выходили в овраги. Таким было городище Левенка-II, прикрывавшее место слияния Бабинца и Вабли (Стародубский район). Появляется и новый тип городищ – «останцовые», расположенные на отдельно стоящих холмах, имеющих крутые склоны со всех сторон, что делало их укрепление наиболее экономичным с точки зрения трудовых затрат. Поскольку по краю они со всех сторон были окружены земляными валами, с течением времени заплывшими к центру, то по внешнему виду стали напоминать чашу, блюдце или тарелочку – под последним названием чаще всего фигурируют в народной топонимике. Так называется и лучшее из них, под Бакляню, перекрывавшее путь вверх по Судости выше устья Вабли. Существовали и так называемые «болотные» городища-убежища, со всех сторон окруженные валом, спрятанные на островках болотистых пойм рек. Они имеют круглую или (у милоградцев) квадратную в плане форму.

Оружие этой эпохи (рис. 5) изготовлялось уже в основном из железа, добытого из местных болотных руд с помощью сыродутного процесса, хотя встречаются еще изделия из бронзы (в основном импортные, скифские) и из кости. Это наконечники стрел позднескифских типов (в виде пирамидки со скрытой втулкой), датируемые обычно IV веком до нашей эры и найденные на городищах Случевск (рис. 5: 2) и Левенка-II экспедицией БГПИ и Института археологии АН СССР под руководством автора в 1982 и 1986 годах. Встречаются и костяные одно- и двушипные наконечники стрел (рис. 5: 4–6), использовавшиеся, скорее всего, для охоты. Впрочем, и скифские наконечники настолько малы, что удивляешься, как с их помощью скифам удалось разбить полчища Дария I в степях Причерноморья и остановить фалангу Александра Македонского на берегах Яксарта (Сырдарья). В лесную Брянщину они могли попасть как путем торговли, так и вместе со скифским отрядом, совершившим набег на земли неводов.

Из железа изготовлялись и наконечники копий, известные в древностях милоградской культуры (рис. 5: 7, 8). Есть сведения об использовании здесь скифских коротких мечей-акинаков, что косвенно подтверждает фразу Геродота о «скифских обычаях» неводов. Встречен и железный нож-кинжал (рис. 6), принадлежавший, скорее всего, вождю племени, так как аналогичные предметы вооружения обнаруживаются и на соседних с Брянщиной землях, но всегда – в единичных экземплярах и являющиеся уникальными, штучными и престижными атрибутами власти.

На милоградско-юхновском пограничье, на городище у села Рябцево Стародубского района был обнаружен в 1981 году во время раскопок Новгород-Северской экспедиции Института археологии АН СССР и УССР, БГПИ и ЧГПИ железный проушной топор (рис. 5: 9) универсального назначения (автор находки – В. П. Коваленко, черниговский ученый-археолог). Он мог использоваться как для рубки деревьев (что было остро необходимо не только для строительства домов и крепостей, но и развития земледелия в лесной зоне), так и для действий против врага, одетого в металлические шлемы (что, правда, в то время было большой редкостью).

Особым родом оружия, присущим населению именно этих трех культур, чьи границы перекрещивались на Брянщине, была праща. Ядра от нее (рис. 5: 1) обнаружены практически на всех исследованных городищах, причем в наибольшем количестве – на юхновских. У милоградцев, заселявших юго-запад современной Брянской области, использовались обточенные каменные ядра, а у юхновцев и днепровцев (у последних, впрочем, очень редко) – из обожженной глины круглой или чаще всего округло-веретенообразной формы. Праща (рис. 5:

14) являлась изобретением очень древним. Еще библейский пастушок Давид победил с ее помощью одетого в железные доспехи великана Голиафа. В римской армии, например, заслуженной славой пользовались балеарские пращники. В сложенный вдвое кожаный ремень, или ремень с особой петлей на конце, вкладывался камень, затем ремень раскручивался над головой, один конец его отпускался, и камень (или ядро) с силой устремлялся в противника. Дальность действенного полета ядра равнялась приблизительно 100 метрам (у лука – до трехсот шагов у английских стрелков времен Столетней войны), точность была меньшей, чем у лука, однако праща имела преимущество в простоте изготовления как самого оружия, так и металлических снарядов. Использовалась праща при обороне крепостей. У валов некоторых юхновских городищ (Случевск, Синино) обнаружены целые арсеналы заранее заготовленных глиняных ядер, что однозначно свидетельствует об их предназначении. Интересно, что подобные же запасы камней для пращи были сделаны защитниками британских крепостей на юге современной Англии в преддверии римского завоевания Британии. Характерно то, что аналогичные склады эти были созданы на поселениях юга Брянской области, которые в первую очередь могли подвергнуться нашествию скифской или сарматской конницы, а также и иных иноплемennых войск.

Что касается организации войска самих этих прабалтских племен и их тактики, то они вряд ли намного продвинулись вперед по сравнению со своими предками эпохи бронзы. Господствовавшей силой была пехота, состоявшая из всех вооруженных мужчин (а может, даже и женщин) рода или большой семьи. Специфически дружинного оружия (мечи, боевые топоры) фактически не существовало, да и то немногое, что имелось, было скифского происхождения. Лук и стрелы также не пользовались большим почетом – они были в основном охотничьим оружием, хотя и употреблялись стрелы со скифскими бронзовыми наконечниками. Стрелы у самих скифов имели 60–70 сантиметров длины, делались из ясеня, тополя, тростника, были и составные – верхние и нижние части из дерева, середина – из тростника. Это делало стрелу более легкой при достаточном запасе прочности. Стрелы оперялись и красились в черный или красный цвет – для устрашения противника. Для этой же цели, но не для воинов, а их коней служили отверстия в лопастях ранних типов наконечников стрел, издававших при вращении в полете зловещий свист. У одного воина обычно было от 50–60 до 200–300 стрел с разного типа наконечниками простыми и широкими, часто с шипом, дающими широкие рваные раны, и пирамидальные бронебойные, как найденные в Случевске и Левенке. «Цари» имели три символических стрелы в горите, обложенном золотыми пластинами.

Горит – очень оригинальное, типично скифское приспособление для ношения лука и стрел – объединял в себе функции колчана для стрел и саадака (футляра для лука). Крепился горит на левой стороне пояса, ибо на правой висели ножны для акинака. Гориты изготавливались из дерева и кожи, а у знати украшались золотыми пластинами, представляющими собой настоящие произведения искусства. Стрелы вкладывались в специальный «кармашек» с наружной стороны горита, за спиной воина или у «седла» (точнее, его имитации – седел с твердым каркасом еще не было) были запасные колчаны со стрелами. Луки в них вкладывались в натянутом состоянии, чтобы в скоротечной конной схватке можно было их быстро выхватить и первым послать стрелу в противника. Луки были небольшие – от 0,6 до 1 метра, двояковыгнутые (рис. 5: 12, 13), составные из разных пород дерева, трубчатых костей и сухожилий животных, в ненапрянутом состоянии напоминающие обратно выгнутый «лунный серп во время ущерба» (по образному выражению Аммиана Марцеллина). Благодаря этому небольшие луки придавали стрелам большую дальность полета, а на близком расстоянии – и существенную пробивную силу. Впрочем, длина лука не всегда прямо пропорциональна дальности стрельбы – полинезийский лук при длине в 200 сантиметров стрелял на 149 метров, а турецкий, чья длина равнялась 122 сантиметрам, посылал стрелы на 229–257 метров. Для скифских луков такие испытания не проводились, но, судя по легенде о прародителе скифов царе Таргитае, лишь один из

сыновей которого смог натянуть отцовский лук, и втором мифе о Геракле, оставившем своему сыну – первому скифу – свой лук, они были также неплохим оружием.

Сравнительно малое распространение лука неудивительно, ведь жители деснинских городищ первого тысячелетия до нашей эры не были ни охотниками, ни кочевниками (у которых сам образ жизни и хозяйства вырабатывает необходимые навыки), а мирными земледельцами и скотоводами. Юхновская «пехота» вообще не была предназначена для военных действий в поле, а использовалась лишь для защиты своих или неожиданных нападений на «вражеские» укрепленные поселения.

Нет никаких признаков наличия у них профессиональных военачальников – «офицеров» или военных вождей, за исключением уже упомянутого железного кинжала, как не наблюдается, впрочем, и вообще социального расслоения, по крайней мере отраженного в имущественном неравенстве. Нет кладов с «импортными» вещами (хотя клады местных изделий имеются, что свидетельствует об обороне), которые могли бы быть добыты во время «зарубежных» грабительских походов, и связанной с их осуществлением воинской организации. В эпоху же варварства такая организация создавалась в первую очередь именно для ведения такого рода военных действий, а затем уже – для охраны племенных границ.

Впрочем, материальные условия для осуществления дальних походов были: местные племена, особенно юхновцы и милоградцы, уже умели использовать лошадь как верховое животное, о чем свидетельствуют находки металлических деталей конской упряжи, в частности – бронзовых ворворок и блях, а также бронзовых литых фигурок самих этих животных. Была ли у населения Брянщины эпохи раннего железного века конница как род войск – вопрос остается открытым. Если она и была, то немногочисленная и низкого качества, а основу войска составляло пешее ополчение всех способных носить оружие жителей, возможно включая и молодых женщин.

3. На «обочине» Великого переселения народов

Скифские вторжения мало затронули Брянский край да Подесенье в целом. Однако на рубеже IV и III веков до нашей эры донской державе скифов (сколотов по самоназванию) в степях Северного Причерноморья сменяют также скифские по языку и культуре, но все же иные племена, имеющие собирательное название «сарматы». Их тяжелая панцирная кавалерия, в которой даже кони были одеты в «катафракты» – пластинчатые или чешуйчатые доспехи на кожаной или войлочной основе – без труда опрокинула легкую скифскую конницу, перейдя Танаис (Дон) и быстро достигнув Дуная и Перекопа. Скифы отошли в Крым и укрепились там. За Дунай сарматы первоначально тоже не пошли – там находилась Фракия, подчиненная Македонской державе, царь которой Филипп II и созданная им фаланга и тяжелая кавалерия гетайров за полвека до этого остановили и разгромили армию кочевников самого сильного из скифских «царей» Атея.

Сарматы, которые с IV века стали называться преимущественно аланами (отсюда и Северная Осетия – Алания, республика, основанная их потомками), свыше 500 лет полностью господствовали в Северном Причерноморье, Предкавказье, на Нижней и Средней Волге – до середины III века нашей эры, после чего стали делить власть здесь с пришедшими с севера и запада германцами, распространив господство и на непосредственных предков славян – венедов. Еще в середине сарматской эпохи, во второй половине I века до нашей эры вождь фракийского племенного объединения гето-даков Бурбиста создает на территории Трансильвании и Молдавии свою «варварскую» державу и совершает походы на восток и север, эхо которых докатилось и до Брянского края. По принципу снежного кома сюда отходят с юго-запада теснимые воинами как Бурбисты, так и Рима (который в 29 году до нашей эры нанес удар по бастарнам-певкинам) народы, подчинявшиеся сарматам, – бастарны-певкины и (по теории Ю.

Ю. Шевченко) россомоны («отколовшаяся» часть бастарнов). Последние, прихватив по дороге в Киевском Поднепровье часть зарубинецкого населения, образуют в бассейне Десны и Судости почепскую археологическую культуру. Их считают как частью сарматов, так и одним из германских племен, а также первыми славянами на Брянщине. Впрочем, для той бурной эпохи, когда старые племенные связи, язык и даже религия потеряли свое значение, вполне мог образоваться и разноэтничный племенной союз с общими целями – обороны от захватчиков и организации переселения на новую родину.

Миграции народов с севера начались несколько позднее. Во II веке нашей эры восточногерманские племена готов, высадившись в устье Вислы, двинулись на юг. Пройдя сквозь славянские, прабалтские и венедские земли современной Польши и Западной Украины, они в середине III века нашей эры вышли к северному побережью Черного моря, частично разрушив, частично покорив существовавшие там греческие города-государства. В созданную их вождем Германарихом, по преданию жившим 120 лет, державу вошли не только германцы-готы, но и еще кочевавшие в степях Крыма скифы и сарматы Северного Причерноморья. В конце своего правления Германарих завоевывает некоторые племена Среднего Поволжья, присоединяет живших на восточном побережье Меотиды (Азовского моря) и на Тамани германцев-герулов и покоряет венедов – предков славян.

Готский (по национальности), византийский (по должности) историк Иордан, секретарь полководца аланского происхождения Гунтипеса Базы, воевавшего с готами в Италии в середине VI века нашей эры, оставил подробное описание истории своего народа, в том числе его одиссеи из Балтийского региона в Северное Причерноморье и далее, до Италии и Испании. Там имеется интересное свидетельство не только о маршруте продвижения готов, затронувшем в начале III века Среднее Поднепровье, но и о последующих их походах из своей очередной «родины» в степях Украины на север, в земли венедов. «После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за слабости их оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и Бог попускает, и множество вооруженных подступает. Эти (венеты)... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавен. Хотя теперь... они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинялись власти Германариха». Археологически готы присутствуют вблизи границ Брянского региона дважды – в первой трети III века, когда они на время остановились в Среднем Поднепровье перед вторжением в Северное Причерноморье, находившееся еще под защитой римских легионеров (до 40-х годов этого века), и в середине IV века, что можно связать с походом Германариха и дальнейшим расселением населения его державы (не только готов), идентифицируемой с черняховской культурой, на север вплоть до Сейма. Первый готский импульс хорошо стыкуется с кладами характерных для киевской культуры «венетов» предметов с эмальями, в одном из которых, происходящем с юго-востока Брянской области, были обнаружены римские серебряные денарии с последней датой 210 год. Ранее выделялось (Г. Ф. Корзухиной) три основных центра распространения этих предметов: Юго-Восточная Прибалтика (Литва и Мазовия); Среднее (Киевское) Поднепровье; Верхнее Поочье (Мощинская культура), а Подесенье было лакуной в их распространении. За последние десять лет ситуация кардинально изменилась – Среднее Подесенье с Посемьем стало «мостом», соединяющим два «старых» центра – Среднее Поднепровье и Поочье, а также и с «появившимся» новым их ареалом – Подоньем.

С точки зрения истории воинской культуры региона наиболее интересен клад предметов с эмальями и сопровождающего инвентаря, обнаруженный поисковиками у села Усук Суземского района и переданный в Государственный исторический музей (Москва) в 2012 году. Он был закопан рядом с поселением киевской культуры, расположенным на пересечении путей из Посемья в Подесенье и из Среднего Поднепровья в Поочье и вообще на север. Кладов

украшений много, а вот предметов вооружения и даже специализированно воинского быта – практически нет. Единственно в кладе у села Усех встречается дорогая рукоять плети и детали металлических оковок рога для питья – ритона. Все это – элементы интернациональной, «всаднической» воинской культуры элиты местных племен, включая так называемую «пиршественную» культуру. Ни индикаторов мест сражений, ни следов разгрома на поселениях нет. Впечатление такое, что военная угроза имела место, но до реальных столкновений не дошло, либо они происходили не на этих землях. Возможно, местная военная элита либо погибла при защите «дальних подступов» к своим владениям, либо присоединилась к готам в их походе на богатые города Причерноморья. Что касается документированного вторжения воинов Германариха на земли венедов, то оно нашло отражение в несколько более поздних – конца III–IV века – находках предметов вооружения предположительно противоборствовавших сторон в одном пункте – на реке Коломина, притоке реки Навля, в лесах левобережья Десны. В нескольких десятках метров друг от друга здесь был найден относительно длинный (лезвие – 67 сантиметров, черешок – 11 сантиметров) и широкий (до 4,2 сантиметра) рубящий меч-спата (рис. 8) и узколезвийный боевой топор.

Такие мечи проникают в римскую кавалерию в середине II века нашей эры от служивших там галлов или сарматов и имеют прототипы в их наступательном вооружении. В отличие от пехотных гладиусов спаты первоначально не имели ребра (чаще двух ребер) жесткости, появляющихся у них лишь к концу IV – началу V века, причем почти одновременно. Уже в III веке, а то и раньше спаты проникают к некоторым германским племенам, в частности к вандалам – носителям (наряду со славянами) пшеворской культуры на территории Польши. Не исключено попадание спаты и к военной элите готов – или от вандалов, или от римлян в качестве трофея. Лезвие брянской спаты абсолютно плоское, конец, в отличие от самых ранних образцов, слегка заострен. Сочетание этих признаков позволяет датировать данный образец III–IV веками. Топоры же таких типов были распространены в северных лесах от Восточной Литвы до рязанского Поочья, с географическим центром в мощинской культуре на верхней Оке. Это территории балтов на западе и финно-угров на востоке, при влиянии на последних германской воинской культуры (рязанско-окские могильники V–VI веков). Наиболее близкая к Брянщине мощинская культура принадлежала либо балтам (есть точка зрения В. В. Седова, что конкретно «голяди»), либо прабалто-славянам (венедам), и данный тип топоров в ней датируется концом IV – первой половиной V века. В итоге, если допустить одновременное «выпадение» обоих предметов в землю, то это, скорее всего, могло произойти именно в конце IV века нашей эры и может быть связано с «венедским» походом Германариха.

V–VI века нашей эры представляют, вероятно, самый «темный» период в истории Подесенья, и не только Брянского. В данном регионе они знаменуют собой не только переход от киевской к колочинской культуре, но и хронологическую лауну между эпохами «вещей с эмальями» и «пальчатых фибул», или так называемых «древностей антов». Любая датированная находка этих «темных веков», а тем более – их комплекс имеет несомненное значение для заполнения данной лауны.

В Климовском районе местные жители обнаружили комплекс предметов, состоящих из фрагментов шлема типа «spangenhelm» (рис. 9), удила, псалий и иных деталей упряжи верхового коня, а также обрывков кольчуги. Предметы были рассеяны на нескольких десятках квадратных метров ранее распаханного поля, следов погребения или культурного слоя поселения на нем пока не обнаружено.

Первой частью комплекса являются железные двусоставные удила с фигурными бронзовыми псалиями. Удила – традиционные, имеющие аналоги как в скифо-сарматском мире, так и в средневековом, причем не только кочевническом. А вот псалии – уникальны, полных аналогов пока не имеют. Они представляют собой с одной стороны восьмигранный стержень, завершающийся отогнутой под прямым, но скругленным углом, стилизованной головой хищ-

ной птицы с большими глазами, представленными кольцевидным вертикальным бордюром. С другой стороны стержень переходит в пластинку, расширяющуюся к краю. Между этими двумя частями псалий находится округлое в сечении сужение, отделенное уступами и от стержневой, и от пластинчатой части псалий. На это сужение-перемычку надето железное, пластинчатое в сечении кольцо от грызла удила. С той стороны псалий, куда повернута голова птицы на их конце, находится прямоугольно-овальная в плане петля, представляющая собой стоящую лошадь, «ноги» которой соединены с уступами в основаниях стержневой и пластинчатой частей псалий. В сечении туловище, шея и голова лошади шестигранные, задняя часть скруглена, грудь слегка выступает вперед. На голове точка в круге, имитирующая глаза, и небольшой уступ, напоминающий уши.

К крупу лошади на плоских бронзовых колечках прикреплены две бронзовые пластины – скрепы для ремней узды, каждая из них своей формы. Одна из них представляет собой округленный на конце язычок с рубчатым бордюром по краю и рельефным ребром по центру пластины. Вторая пластина, тех же размеров, что и первая, имеет совершенно иную конфигурацию. При взгляде с одной стороны она напоминает собой сапог с расширяющимся кверху голенищем, выделенным высоким треугольно-округлым каблуком и загнутым кверху острым носком. Если же посмотреть с другой стороны, то пластина представляет собой сильно стилизованную хищную птицу с расширяющимся книзу хвостом, короткими треугольно-округлыми крыльями, дугообразной шеей и изогнутым клювом.

Их можно датировать V веком нашей эры, а наиболее близкую аналогию видеть в псалиях из Унтерзибенбрунна (Восточная Австрия, запад исторической Паннонии), где в тот период проживало германское племя ругиев под властью (до 453 года) каганата гуннов. Аналогичные псалии имеются и на другом конце Европы – на Северо-Западном Кавказе, также в этот каганат входившем.

Таким образом, если наложить тип общей формы псалий на карту V века, то их находки будут оконтуривать северо-западный (Австрия) и юго-восточный (Кавказ) край зоны гуннского владычества в Европе. Однако, во-первых, держава гуннов была чрезвычайно многонациональной и включала, кроме самих гуннов, как минимум еще и ираноязычные (алано-сарматские) и германские племена, а также группы романизированного и эллинизированного населения различного этнического происхождения. Кроме того, для самих этнических гуннов был более характерен, в первую очередь, геометрический с инкрустацией красными камнями (в основном алмадинами) орнамент. Здесь же мы видим стилизованных хищных птиц и лошадь. Что касается голов хищных птиц, орлов, то они для V–VI веков достаточно многочисленны в германских древностях прежде всего франков, остроготов (остготы), гепидов, правда, не на псалиях, а на поясных пряжках или фибулах. При этом «законодателями мод» в этой сфере выступают гепиды в Паннонии, а остроготы, по крайней мере крымские, заимствовали орлиноголовые пряжки лишь на рубеже V–VI веков. С двумя последними племенными объединениями гунны тесно контактировали в V веке, причем с остроготами в двух местах Европы – в Трансильвании – Паннонии и в Крыму, а возможно, и на Северо-Западном Кавказе. Этим, вероятно, объясняется появление орлиноголовых мотивов в прикладном искусстве VI века не только Северо-Западного Кавказа, у адыгов в первую очередь, но и Центрального, у аланов Северной Осетии. Присутствуют на Западном Кавказе и такие типично франкские предметы вооружения, как метательные топоры – франциски.

Что касается фигурки лошади, то среди древностей V–VI веков нашей эры, которые могли оказать влияние на семантику и стиль декоративного оформления «климовских» псалий, наиболее вероятно назвать Западную Паннонию V века нашей эры вместе с лангобардской Италией VI века нашей эры. В этническом плане Западная Паннония V века и Италия VI века являются остроготской и лангобардской, то есть германской. Последнее обстоятельство хорошо коррелирует с германским происхождением орнаментальных голов хищных птиц, а

«гуннские» удила из Унтерзибенбрунна находятся в этом же регионе (хотя и на территории племени ругиев, но они также германцы) и вполне могли подвергнуться германскому культурному влиянию. Более тщательное рассмотрение скрепы-держателя в форме хищной птицы позволяет стилистически сблизить его с франкскими фибулами в виде фигурок орлов с трехугольным, как на «климовских» псалиях, выступом-крылом, датируемым первой половиной VI века нашей эры. Интересно, что на территории Брянской области, то есть в Восточной Европе, была обнаружена в 2013 году еще одна накладка на ремень, возможно, уздечки, сделанная из бронзы и оформленная в виде очень стилизованной шеи, головы и клюва хищной птицы.

Вторая скрепа ремня уздечки в форме простого вытянутого язычка со скругленным концом, рубчатым бордюром по краю и ребром по центру имеет несколько аналогий в степных древностях Северного Причерноморья. Датируются эти аналогии первой половиной V века и позднее. С учетом же возможности не вообще германских, а конкретно франкских влияний на детали формы и семантику изображения одной из скреп (зажимов) для ремней узды с «климовских» псалий, важным является наличие псалий с орнитоморфными изображениями в Северо-Восточной Франции (могильник Шарлевиль-Мезье в Арденнах), период бытования которых датируется или второй половиной – концом V века, или 480–520 годами. Очень похожие накладки (скрепы, зажимы) со звериными головами встречены также в двух «княжеских» захоронениях в Натангии (Пруссия) и Трансильвании – Семиградье (Румыния). Первое принадлежит одному из вождей местных пруссов, но с сильно «германизированным» инвентарем, второе – вождю гепидов. Последнее датируется третьей четвертью V века и в связи с этим может служить исходным материалом и для прусских находок, и, возможно, даже для «франкских» изделий. Устойчивые связи земли гепидов с Юго-Восточной Прибалтикой по янтарному пути документируются таким массовым материалом, как керамика с «гепидским» орнаментом. С другой стороны, в германской части Юго-Восточной Прибалтики (германо-мазурской культуре) встречены ранговые принадлежности элиты гепидского или крымско-готского происхождения VI–VII веков – орлиноголовые пряжки. Кстати, существует мнение именно о понтийско-кавказской культурной принадлежности данного уздечного набора (О. В. Радюш). С учетом предположительных франкских или гепидских влияний на иконографию декоративно-функциональных деталей «климовских» псалий их вряд ли можно датировать ранее начала VI века нашей эры. Об этом же говорит и время бытования изображений лошадок у лангобардов (VI век нашей эры).

О рейнских корнях климовского комплекса находок свидетельствует еще один его предмет – топоровидная привеска к ремню сбруи. Эта пластинчатая привеска имеет ближайшие аналогии в Качине на Волыни, а «качинской» комплект предметов конской упряжи в сочетании с женскими украшениями, в свою очередь, имеет аналогии в Унтерзибенбрунне (как и псалии).

При сопоставлении этих, а также иных сходных предметов сбруи в литературе был сделан вывод о том, что здесь речь идет об отголосках позднепровинциальных римских изделий, изготовлявшихся, по-видимому, в мастерских Рейна и Северной Галлии. В этой связи объяснимо франкское влияние, так как именно это германское племенное объединение владело в позднеимперский и постримский период регионом Рейна – Северной Галлии. Вполне возможно, что римские мастерские работали уже по заказу или даже при дворах варварских правителей. Другое дело, что изделия этих мастерских распространялись не только среди франков. Регион Унтерзибенбрунна мог принадлежать ругиям, развитие предметов из Качина на Волыни «связано преимущественно с готами и гепидами».

С ареалами остготов (остготов), но не в Польше и Волыни, а в Западной Паннонии, Далмации, Иллирии, Италии, гепидов в Восточной Паннонии, франков на Рейне, но также и алеманнов, бургунов, в меньшей степени свевов (или уже герулов) в Словакии, вандалов в Северной Африке, тюрингов в Центральной Германии связан еще ряд элементов климовского комплекса находок. Это детали шпангенхельма (пластинчатого составного шлема), о проис-

хождении типа которого до сих пор нет единого мнения. Ясно, что генетически он связан с позднеримскими шлемами (а те, в свою очередь, с иранскими ламиллярными IV века), но римским или византийским не является. Возможно, он и изготовлялся (как детали упряжи и украшения) в мастерских бывшей Римской империи, но по заказу племенных вождей или даже «королей» германских племенных объединений.

Внутренней типологии шпангенхельмов «бальденхаймского» типа до сих пор не проведено, хотя их изучение началось еще в начале XX века и было создано несколько карт их распространения. На карту 1971 года нанесены 17 шлемов из 15 местонахождений, на карте 1987 года их число повысилось до 31 (27), в основном за счет Скандинавии, земель франков и алеманнов, Македонии и Северной Африки. С учетом новых данных (Великобритания, Болгария), а также находки в Климовском районе Брянской области число местонахождений шпангенхельмов может быть увеличено до 30–31, а количество шлемов до 32–33, а по мнению некоторых современных зарубежных исследователей – и до 35.

Что касается внутренней типологии шпангенхельмов именно «бальденхаймского» типа (рис. 10), как климовско-навлинский экземпляр, то они имеют пять обязательных элементов, которые в комплексе объединяют их в один тип и отделяют от схожих с ними иранских и позднесарматских; позднеримских и ранневизантийских; прикамских IV–V веков; скандинавских вендельских шлемов VI–VII веков.

Это: 1. Четырех- или шестичастность купола шлема, состоящего из чередующихся Т-образных ребер, скрепляющих и частично перекрывающих четыре или шесть железных пластин подтреугольной или миндалевидной формы. 2. Перекрытие и скрепление нижних концов ребер и пластин медной позолоченной лентой с растительно-зооморфным тисненым рельефным орнаментом (редко – без него). 3. Соединение верхних концов ребер и пластин круглым с вертикальной трубочкой (для султана) – шишаком-навершием. 4. Наличие на ребрах и шишаке гравированного или пунсонного орнамента в геометрическом стиле. 5. Отсутствие переносья или лицевой маски.

Исключение из этих правил составляют всего несколько шлемов, но и те были найдены на одних памятниках и «классическими» экземплярами.

Варианты: шлемы могут быть либо четырех-, либо (чаще) шестичастными. Форма их тульи может быть либо полусферической, либо (чаще) сфероконической (рис. 10).

Более чем у половины шлемов имеются нащечники, у некоторых сохранились кольчужные бармицы на затылке. Очень редко на передней части ленты-очелья имеются две закругленные выемки над глазами. Не менее чем у шести экземпляров железные пластины шлемов покрыты позолоченной медью с гравированными орнаментами и изображениями.

По богатству отделки отличаются шлемы из Монте-Пагано в остготской Италии и Битоля (Гераклея Линцестис), также в остготской Македонии. На первом присутствуют сцены охоты или травли зверей, рыбы, лошади, хищники кошачьей породы, человек с двумя рыбами, птицы, клюющие рыб, и т. д. На шлеме из Гераклеи помещены христианские сюжеты (Христос, благословляющий две фронтально стоящие человеческие фигуры), надписи на греческом языке – просьбы к Господу о здоровье и безопасном возвращении с поля боя владельца шлема. По мнению македонских исследователей, этот шлем мог быть изготовлен в мастерских Константинополя специально для короля остготов Теодориха не ранее 494 и не позже 523 года нашей эры. На золоченых пластинах шлемов из Словакии и с Рейна присутствует чешуйчатый орнамент в сочетании с крестами и ромбами. Тот же и в той же технике орнамент нанесен и на Т-образные ребра шлема. Точно такой же орнамент украшает нащечник шпангенхельма из музея в Добруни, явно связанного с климовским экземпляром, хотя, по непроверенным данным, обнаруженным в междуречье Навли и Неруссы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.